“БЕЛЛЕТРИСТЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ”
№ 20—21

Л. ЛЕОНОВЪ

ГИБЕЛЬ ЕГОРУШКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ”
ПАРИЖЪ
1927

Л. ЛЕОНОВЪ

ГИБЕЛЬ ЕГОРУШКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ"
ПАРИЖЪ
1927

М. В. Сабашникову

I

Кабъ впрямь былъ островъ такой въ дальнемъ морѣ ледяномъ, за полуночной чертой, Нюньюгъ остговъ, и кабъ былъ онъ въ ширину поболѣ семи четвертей, — быть бы ужъ безпремѣнно поселку на островѣ, поселку Ненъ, вѣрному кораблиному пристанищу подъ угревой случайной скалы. Мѣсто голо и унынно, отдано вѣтру въ милость, суждено ему стать мѣстомъ широкаго земного отчаянія. Со скалы лишь сползаютъ робкія къ морю три ползучія, крадучись, березки, три бѣленькія. Приползли къ морю жаловаться, что - де ночи коротки, а вѣтры жгучи... Море не слушаетъ, вводнемъ играетъ, вспять бѣжитъ.

Надъ Нюньюгомъ по небу въ зимнія ночи полыхаютъ острозубые костры сіяній сѣверныхъ. За Нюньюгомъ въ морской глубинѣ лѣтними ночами незаходимаго солнца пожаръ стоитъ. А по болотнымъ ньюнюгскимъ вѣтромъ расползалась на всѣ восемь разноименныхъ сторонъ невеликая ягодка клюковка, единая радость голаго мѣста за полуночной, послѣдней чертой. Еще растетъ по Нюньюгу брусничка, клюквина сестричка, матушкѣ морошкѣ сноха. Птица, протяжнымъ крикомъ осѣняющая нюньюгскую весну, клюетъ ее. А еще курчавится въ зыбинахъ мохъ бѣлый. А на самой послѣдней тупинѣ, гдѣ ночныя воды лижутъ непрестанно зубъ-камень, встала посередь кукушкиныхъ ковровъ единая сосна, рослая старуха, глухо шумящая на вѣтру.

Приходилъ сюда одинъ самоѣдинъ смѣлый, молодой человѣкъ, по взбудному слѣду звѣря. Вѣтеръ душу его къ соснѣ пригвоздилъ. Провисѣла душа на гвоздикѣ долгое множество лѣтъ. И состарилась. И скатилась къ морю гнилымъ дупломъ, безглазымъ отрубкомъ.

II

Олень не тощъ, а нарта справна, а малица не вѣтромъ стегана, — выѣхать тебѣ изъ Нели поранѣ, къ обѣду сумѣешь до Егорушки берегомъ домчаться. Тамъ забудешь подъ пресвѣтлымъ взглядомъ его и про всякую скорбь житія и про то, что съ головой тебя завѣять сбирается встрѣчный снѣгъ въ кривомъ оврагѣ надъ Выксунью.

Тихое, невѣтренное небо живетъ въ Егорѣ. Было утро однажды, чайки гнали крикомъ воронью зиму, — бѣлый ошкуй, на ледяномъ откосѣ съ Егорушкой встрѣтясь, земно поклонился ему, теленкомъ мыча.

А въ пору ту, когда рыхлой землѣ сырой отроду еще не болѣ трехъ дней было, наступилъ морской Никола нечаянно, землю дозоромъ обходя, на смутную грань моря и суши первозданныхъ и слѣдъ свой оставилъ здѣсь... Промелькнули потомъ буйной оравой не уловленные къ памяти дни, канули въ пустотные тартарары вся сотня сотенъ и тьма темъ. И въ томъ Николиномъ слѣ-

ду вырубилъ отецъ Егорушкинъ хижинку себѣ двуглазку и сараюшко къ ней. А чтобъ неповадно было косоглазымъ бурьямъ подъ крыши заглядывать, придавилъ онъ крыши каменными круглыми лепехами.

Отошелъ однажды Егорушкинъ отецъ; деревянное распятье могилки его еженощно хорява - вѣтеръ цѣлуетъ, отправляясь на разбой. Прикупилъ тогда себѣ Егорушко карбасовъ новыхъ два, сплелъ себѣ сильны яруса, взялъ жену себѣ, узкоглазую Иринью, Андрея Фомича дочь изъ поселка Нель... Иринья, вотъ она: въ глазахъ ея щебечутъ сѣрыя ласковыя пичуги, сердце же подобно обители веселыхъ зайчатъ. Два лишь года отдѣлили Егорушкину свадьбу отъ нонешняго дня.

Такъ и живутъ они. Ходитъ Егорушко на грудастомъ карбасѣ по заливчику, снимаетъ яруса, а жена ему весломъ привычнымъ правитъ путь. Вѣтеръ имъ пѣсню котенкомъ мурлычетъ. Волны бѣгутъ, торопясь разбиться. Глазу широко, и душѣ легко.

III

Зачнемъ разсказъ свой съ единой рыжей осени.

Вечеръ обозначилъ лиловой тучей въ закатѣ поздній путь свой. Полнеба въ огнѣ, полнеба въ пѣнѣ морской. А по Нюньюгу расползлись туда и сюда огненныхъ колымагъ колеи.

На зализанной моремъ отмели, возлѣ карбасовъ, сидятъ два. Колеблетъ ровный вѣтеръ пасмурную зелень моря и немногія былинки, касаясь и головы Егорушкиной, осіянной свѣтлымъ льномъ волосъ. Торчитъ несуразно у Ириньи подъ холстинной юбкой выкруглившійся полной луной животъ ея. И это хорошо, что на девятомъ мѣсяцѣ она. Скоро - скоро, недолго ждать осталось, заплачетъ маленькій на острову. И отмѣритъ Никола рыбной благодати нескупо на сынишку Егорушки, нагоняя рыбу въ заливчикъ, подобно весеннему тюленю. Что жъ, выѣдетъ Егорушко въ утрее время да и подцѣпитъ пикшуя пудовъ на двѣнадцать... Вотъ дивень, на такомъ

и въ Соловки обыденкой скатать возможно!

Сидятъ два. Неторопливымъ ручьемъ разговоръ идетъ. Одиночью не замутить сердецъ ихъ.

— Сергѣй - то Яковличъ, хорошо, мучки догадался.

— Наказывалъ я ему про мучку, съ весны еще наказывалъ.

— И сахарку тожъ. Для маленького-то ко времени подошло.

— И сахарку.

Золотой буеракъ въ небѣ изъ пѣны вылѣзъ. На немъ замѣчательный, неувядающій расцвѣлъ раскидисто небывалый огненный цвѣтъ.

— Егорушко, слышь, звонъ идетъ.

— Зво-онъ!

— Можетъ, съ Кондострова то? Въ набатъ колотятъ?

— Пора не пожарная. Вечерній то звонъ.

Порождая смиренство духа на встрѣчныхъ корабляхъ, на малыхъ островахъ, на рыбныхъ ловахъ, въ кораблиныхъ становищахъ, идетъ по соленой ряби моря ледяного Саватѣево благовѣстіе.

Побурѣли болотца радужной ржой. Тащутъ вѣтры въ синіе погреба груз-

ные ижемки свинцовыхъ облаковъ. А небо великимъ пожаромъ журлитъ, клокочетъ цвѣтнымъ, какъ пасхальная въ Нели ярманка.

— Иринь, а вѣдь пора бъ ему быть. Когда девятый минетъ?

Круглымъ животомъ ластится къ мужу Иринья.

— Пора, пора. Парусъ ставлю намедни, а онъ и трепыхается, птенчикъ - то! Чать, въ недѣлю эту придетъ.

Взрѣзали тутъ, тамъ и еще подалѣ зеленую гладь острые играющихъ рыбинъ хребты. Заплескалось ослѣпляя, драгоцѣнное потухающее каменье.

— А назовемъ - то мы его какъ?

Егорушко думаетъ:

— Варламомъ мы его назовемъ.

— Такъ, вѣдь, можетъ дѣвочка придется!..

Машетъ Егорушко рукой:

— Ну, вотъ, скажешь тоже, дѣвочка. Къ чему жъ дѣвочка, разъ мнѣ въ помощникѣ нужа!

Тихо улыбается Иринья, полузакрывъ глаза. Какъ въ бреду:

— И будетъ онъ Варламъ Егорычъ зваться... И будетъ онъ на

быстрыхъ елахъ по бѣлымъ морямъ ходить. Женится...

Радость низошла на нюньюгскихъ двухъ.

— Шняку себѣ купитъ! Намедни въ Нели норвежинъ одинъ, пьяный, шняку свою продавалъ. Отецъ сбирался купить, не знаю. Хорошая шняка, птичкой, зря не купилъ ты!

— Пьяный мнѣ не продавецъ.

Чайки плещутъ крыльями по серебру. Идутъ въ закатъ стадами сгорать золотые невиданные звѣри.

— А што я думаю, Егорушко... До неба, небось и въ пять годовъ не дойти, кабъ лѣсенку туда приставить?

— Хе, жена! Откуду жъ плавнику ты на такую лѣсенку наловишь. Туда лѣсу прорва пойдетъ!.

Подъ просторомъ бѣлыхъ крыльевъ ночи нюньюгской не цвѣтетъ, не расцвѣтаетъ алый цвѣтъ. Зато невидимо расцвѣтаетъ по Нюньюгу маленькая душа Варламъ Егорыча. Ну да, ну, конечно! Станетъ Варламъ Егорычъ бородатымъ промысловымъ купцомъ, суровымъ капитаномъ своей посудинѣ. Будетъ онъ низкое небо мачтой веселой елы чер-

тить, будетъ процѣживать вѣтровые потоки парусами, а море карманами. Будутъ здоровкаться его покрученники со встрѣчными въ ледяномъ морѣ кораблями:

— Ма-аркъ Кузьмичу, на-аше ва-амъ!..

— Варламъ Егорычу, пожалста, здравствова-ать...

— Какъ пожива-аешь, Варламъ Егоры-ычъ?

— Ничево-о-съ! Никола не забываетъ да Елисей Сумской..

Нюньюгъ, ты, Нюньюгъ, рыжій теленокъ, унынный ты! Черезъ двадцать восемь денъ отстегнутъ морозы пуговку - клюковку. Выскочитъ и оглянется бѣлый звѣрь. Синимъ снѣжнымъ облакомъ пушистымъ разволнуется болотная твердь. И замрешь и повянешь подъ чернымъ небомъ непроходной ледяной стороны.

IV

Потому ли, что была то пятница первозимняго октября, ночью взбѣсилось море, взбѣленилась буря, закричала больно, какъ полярный сычъ

глазастый, въ куропачій силокъ попавъ.

Словно бъ море зубами скрипѣло, — трещали, сталкиваясь, въ обширныхъ пустыняхъ ледяные тороса. Въ брюхѣ у Сядѣя урчало съ голоду, — волны изступленную пляску на отмеляхъ завели.

Вѣтеръ слонялся и проваливался въ бездонные ржавые кисели. Злился, съ маху билъ по срединѣ воздуха, по киселямъ, по рыжему покорному теленку. А воздухъ несся и гудѣлъ, подобно ошкую, ужаленному мѣткой острогой прямо въ глазъ.

Въ такую-то ночь и опросталась Иринья. Къ утру заплакалъ маленькій Варламъ, и громкій плачъ его смѣнилъ трудные стоны Ириньины. И улыбнулась мать, услыша плачъ тотъ.

Восписуется въ небѣ первой радостью радость матери, а второю — радость впервые узрѣвшаго свѣтъ.

... Въ то же утро пошелъ Егорушко на колодезь за водой, для надобностей Ириньиныхъ, съ бадьей, а вернулся съ ношей. Была ноша черна, на головѣ же напяленный клубокъ воду насачивалъ. Сама же ноша кряхт-

тѣла сильно, словно не Егорушко ее, а она Егорушку тащила.

Повалилъ ношу на полъ:

— Счасъ вернусь. Пускай полежитъ человѣкъ сей. Бадью захвачу!

Приподнялась Иринья на печкѣ, видитъ: лежитъ человѣкъ монахъ. Облѣпила черная крашеная толстина занѣмѣвшiй его сухожильный костякъ. Растекается лужа по полу, изъ-подъ рясы же торчатъ, узкими носами вверхъ, на деревянной подошвѣ бахилы. И вотъ открылъ правый свой, потомъ лѣвый глазъ и пошарилъ Иринью невидящимъ взглядомъ и всѣмъ животомъ подъ намокшей толстиной вздохнулъ, и встрѣтились взгляды, два. Ребенка отъ груди оторвавъ, потому что ахнуло внезапь испуганное сердце, вскрикнула Иринья — выскочили два слова и глаза человѣчками выпучили:

— Ты кто?

Сквозь семерыхъ переднихъ зубовъ гниль, сквозь рыжую щетину моржовыхъ усовъ, словно горстка воды перелилась, сказалъ синѣющими губами:

— Слуга боговъ.

Не остановилась Иринья:

— А черный зачѣмъ?

Закрылись глаза, ноги колодками обозначились по мокрой рясѣ, замеръ деревянный ликъ, имѣющій подобіе осенней тундры съ чахлымъ кустикомъ облетѣлой осенней сихи подъ губой. Лежитъ безотвѣтно морской подарочекъ, сопитъ. И вотъ страшно закричала Иринья, и ребеночекъ звонко заплакалъ, ручонками тарахтя, вмѣстѣ съ матерью.

Тутъ Егорушко взошелъ. Закидала его Иринья словами.

— Егорушко, зачѣмъ онъ тутъ? Зачѣмъ у него глаза голые? Маленькій напугался нашъ...

Бадью на лавку, чебакъ на гвоздь:

— Бурья его къ намъ выкинула. Отъ Саватѣя, небось, монашекъ - то. Пущай, не трожь, пріютить надо. Со вчерась лежалъ, головой сюда, а ноги въ воду.

Утро тянулось въ окна сѣрымъ, закрученнымъ въ жгутъ полотенцемъ. Капала съ него по капелькѣ тусклая поганая муть на душу. Днемъ, когда отобѣдали:

— Егорушко, ей не лгу, на лукешку онъ похожъ! Я на картинкѣ, въ

дѣвкахъ, у отца видѣла. Ты бъ его назадъ снесъ, ну его!

Упрекомъ распрямились Егорушкины глаза:

— Зима, куда ему нонѣ?

— Егорушко, боязно!

— Самой себя бойся, люди не причемъ!

Такъ и было порѣшено объ Агапіи-монахѣ, въ которомъ сызнова начинало биться сердце.

А на синіе берега выползалъ мочливый вѣтеръ. Облака неслись, опускались за краемъ и наново выбѣгали съ обратной стороны. Туманилась и блекла крайняя черта моря въ мелкихъ и частыхъ переметахъ дождя.

V

Упрямо, угрюмо и гордо, съ Успеньева дня до льду, бороздятъ крѣпкими носами промысловыя суда осенняго тумана ледяную зыбь. Шарятъ сѣти тонкими пальцами по дну, вытягивая полезную людскому брюху тварь. Гонитъ тогда прямо въ сѣти обезумѣвшую рыбу тюлень.

Большому кораблю всѣ моря отъ

края до краевъ путь, но Егорушкѣ заказанъ лишь кусочекъ тотъ воднаго мѣста, у котораго сидитъ домокъ его.

Вчера сказалъ Агапій Егорушкѣ, изъ-за стола вставъ:

— Конешно, постникъ я, поелику розмогаю при немощи тѣла. Однако не желаю и корочку хлѣбца у тебя задаромъ ѣсть. Буду тебѣ помогать въ дѣлахъ твоихъ.

Ему Егорушко всѣмъ сердцемъ:

— Дѣло твое. Хлѣбомъ не затруднишь, рыба — вонъ она. А за подмогу спасибо, Иринье съ маленькимъ легче!..

Такъ говорили вчера. А нынѣ ходитъ ужъ карбасъ по ярусамъ, сбираетъ дань. Въ карбасѣ двое, и вторымъ, на веслахъ, Агапій. Ужъ больно дикой онъ въ чебакѣ - то,— чистое водяное пугало, рыжая голова!

Тянетъ намокшую, медленно, тяжелую веревку изъ - за борта Егорушко, Агапій же глушитъ колтухомъ несчастливыхъ рыбинъ. Когда бьетъ, складываются губы его твердо, одна на другую. Плещется рыбная благодать серебряными боками,

и все глубже усаживается карбасъ въ упругую зелень водъ. А вперемежку, между ярусами, ведутъ они разговоръ. Агапія слова суровы и остріями тверды:

— Вы такъ, значитъ, безъ церкви и живете?

— А для ча?

— Для ча, для ча... Грѣхъ молить!

Засмѣялся Егорушко:

— Грѣ-ѣхъ? А ну те, монашій ты человѣкъ, къ Богу въ рай!

Ходитъ карбасъ утюгомъ. Осенній вѣтеръ брызжетъ пѣной надъ головами, дуетъ свѣжестью въ ноздри рыбаковъ. Нашелъ Агапій, что искалъ:

— Вотъ смѣетесь вы часто. Иринья вчерась въ захохотъ чуть не впала. А Іисусъ, скажи, знали ли отъ смѣха уста Его?

Карбасъ беззвучно къ ярусу подскользнулъ, снова зашевелился Агапій.

— Тебѣ правила-тъ подвижниковъ какъ, жукъ нагадилъ? Паукъ наплакалъ? Василь Великой смѣхъ-отъ запретилъ, тебѣ какъ?

Кустикъ подъ Агапіевой губой къ носу задрался, а глаза прижали къ

доскѣ тихую душу Егорушки. Нѣтъ словъ у Егорушкиной души, онъ молчитъ.

Подъ взмахомъ гибкаго весла, въ порывѣ вѣрнаго вѣтра идетъ къ берегу рыбарья посудина, внезапнымъ парусомъ указуя жизнь на дальнемъ семъ морѣ. Когда къ берегу подходили, Иринью съ младенцемъ, сидящихъ на берегу, завидя, молвилъ Агапій какъ бы невзначай:

— Дохлый у тебя паренекъ-то. Не выживетъ!

Когда говорилъ, дрожали у него руки крупной дрожью. Когда сказалъ, семь большихъ разъ и еще два раза завертѣлась въ вѣтренномъ водоворотѣ случайная чайка, въ смертной судорогѣ упадая на крыло.

Громко закричало Егорушкино сердце: Зачѣмъ ты говоришь мнѣ все это, зачѣмъ?..

VI

Затягиваетъ тина морская бѣлыхъ ночей решето... Море темнѣетъ ликомъ, рыба уходитъ въ глуби, небо, затяжелѣвшее ночью, нависаетъ внизъ.

Сломала первая метель недолгаго лѣта весло, зашвырнула промысловыя суда въ сѣрые кораблиные закутки. Гнусавую пѣсню о всѣхъ погибающихъ въ морѣ, о всѣхъ разбивающихъ душу свою о камень — тянетъ вѣтеръ.

Клочьями мокраго снѣга разсыпались надъ Нюньюгомъ остатки октября. Ледяной коростой устилаютъ морозы свирѣпымъ братьямъ - декабрямъ путь. Опустѣли окружные камни, птицъ нѣтъ.

Приходитъ ночь, встаетъ ледяное молчанье, — клюковка пала, морозъ ей ниточку перегрызъ. Начало наступило.

Шаманитъ тундра, а въ мерзломъ воздухѣ олени роютъ снѣгъ. Стоитъ на сугробной дали Сядѣй-Махазѣй вьющимся снѣжнымъ столпомъ, слушаетъ, какъ плачетъ маленькій Варламъ Егорычъ у отца на заливчикѣ.

Еще онъ слушаетъ, какъ поетъ самоѣдинъ въ нартахъ, уныло и длинно, на пути къ чуму своему:

"У меня триста оленей. У меня къ осени будетъ пятьсотъ. У меня въ чумѣ много добра. Я убью нерпу и

продамъ Марку, а Маркъ мнѣ дастъ водку и острый ножъ... Я пойду на ледъ и добуду ошкуя. Будутъ говорить русаки: Тяка ошкуя руками задушилъ. А я буду сидѣть на его бѣлой шкурѣ и точить ножъ, который мнѣ дастъ Маркъ"...

Еще онъ слушаетъ, какъ колдуетъ въ становищѣ Нель потный шаманъ въ душной избѣ, безпамятно скрежеща ногтями въ бубенъ.

Потомъ въ снѣжномъ затишьи, — неизвѣстно: звѣрь, птица или вѣтеръ, — былъ крикъ.

❦

Паромъ застоялась изба. Паръ идетъ изъ плошки, а въ плошкѣ щи. Сидятъ кругомъ три живыхъ человѣка, съ половиной. За половинку считай Варламъ Егорыча, другъ!

Тянется рученками на кашу Варламъ Егорычъ. Тихо внутри себя смѣется Егоръ. Полная материнской ласки, улыбается Иринья.

Какъ бы просвѣтлившись, беретъ Агапій на руки ребеночка, кидаетъ, подкидываетъ вверхъ - внизъ, самъ

же затягиваетъ грубымъ, какъ канатъ тугой, голосомъ:

— Ходи въ петлю, ходи въ ра-ай...

Остановится, да подмахнетъ рукавомъ — и сызновъ, словно и нѣтъ у него другихъ пѣсенъ:

— Ходи-и въ дѣдушкинъ сарай...

И вотъ негромко, но все неистовѣй и громче зашелся ребячьимъ плачемъ Варламъ Егорычъ. Покраснѣло голенькое, анисовымъ яблокомъ, маленькое тѣльце. А тотъ все:

— Въ петлю... въ рай...

Встрепенулся въ страхѣ внезапнаго понятія монаховой сущности Егорушко и крикнулъ:

— Не пой, не пой такъ, Агапій!

А ужъ поздно было: и смѣхъ и горе. Вышло, что замаралъ ребеночекъ Агапію черную его рясу ребячьимъ. Тяжело Агапій, духъ переводя, поворочалъ языкъ за скулами, потомъ ненужную допустилъ усмѣшку на деревянное свое лицо.

— Не пѣть?.. А тебѣ што? Тебѣ анхимандритъ грамоту изъ шинода прислалъ, чтобъ не пѣть?

Набѣжала тучка на слабый Егорушкинъ умокъ:

— Да нѣтъ, не присылалъ... Охъ,

поди, вытри рясу - то, поди, снѣжкомъ. Измѣстилъ, вишь, тебѣ Варламъ Егорычъ!

— Что жъ, и поду и вытру. Не годится на монашьей одежѣ подобный орламентъ носить.

Иринья, ложку бросивъ, суетъ Варламъ Егорычу полную грудь, но тотъ кричитъ, захлебываясь и замирая. Покуда оттиралъ Агапій шершавымъ снѣгомъ ребячій поминокъ, зябко топчась на снѣгу, пришло Егорушкѣ спросить, и спросилъ ввечеру:

— Агапь, вѣдь ты попъ?

— Попъ.

— А гдѣ жъ онъ, крестъ - отъ у тебя?

Смиренно опускаетъ глаза Агапій; неслышно, но слышалъ Егорушко:

— Въ морѣ потерялъ.

VII

Затягивается ночь, какъ петля, на шеѣ всяческой души.

Спятъ въ избѣ, а за избой всякіе нечаянные звуки сторожитъ тишина. Шла большая ночь и шла маленькая. Среди той, большой, и среди этой, маленькой, проснулся Егоруш-

ко, словно за руку его кто то потянулъ и сказалъ: выдь и слушай.

Въ душномъ сонномъ мракѣ похрапывала долгимъ и ровнымъ храпомъ Иринья. Не выдалась ростомъ Иринья, да недаромъ изъ колмогорскихъ Андрей Фомичъ: грудь у Ириньи крѣпкая и тяжелая. Ей помогалъ, подхрапывалъ по мѣрѣ силъ Варламъ Егорычъ: отставалъ, нагонялъ, опережалъ даже порою.

Во тьмѣ пощупалъ мѣсто рядомъ, на полатяхъ, Егоръ. Заморгалъ, удивляясь: пусто мѣсто, нѣтъ Агапія. Соскочилъ разомъ, и пимки словно бы сами на ноги ему надѣлись. Подбросилъ въ очагъ полѣнце на пламеннаго уголья потухающій тленъ. И не скрипнула дверь, и другая въ сѣняхъ не скрипнула... Вышелъ и напрягъ ухо.

Высоко, отъ моря этого до всѣхъ другихъ ледяныхъ морей, шатались, ходили, мѣстами мѣнялись смутные морозные столбы. Была такая тишина, что, если бъ крикнуть, не погасъ бы звукъ, покуда не устало бъ слушать ухо. Сердцемъ угадавъ за сараемъ Агапія, пробрался Егорушко,

согнулся и выглянул. Не обманулось сердце...

Черный и клобучный стоялъ голыми колѣнками въ снѣгъ, а лицомъ въ поле, Агапій. Руки порой вздымая къ полыхающимъ кострамъ, звалъ онъ кого-то, застывая льдомъ. И то падалъ всемъ костякомъ въ полый снѣгъ, то закидывался назадъ, обнажая деревянное лицо, обостренное мольбой и мукой. Было чудно глазу и непостижимо уму видѣть такое, и не повѣрилъ Егорушко. Схвативъ снѣга горсть, сунулъ въ горячую пазуху. Когда же обожгло тамъ холодомъ, замеръ, прислушиваясь:

"И еще извѣстилъ меня Духъ Твой, что Егоръ съ Нюньюга сыномъ твоимъ наречется. Не могу преступать путинъ твоихъ, но молю. Пусть въ горнилѣ испытанія умудрится духъ его. Пусть"...

Не отъ словъ ли безумнаго Агапія бушевало все сильнѣй и сильнѣй морозное пламя неба?..

"И пусть умретъ сынъ его, Варламъ. Пусть порвутся яруса его и лопнутъ щепьемъ карбаса его. Пусть останется съ единой душой да съ

тѣломъ. А тогда ударь его въ голову"...

Не дослушалъ Егорушко, выбѣжалъ къ заливчику, рухнулся всѣмъ лицомъ въ острый снѣгъ. Ужалилъ его снѣгъ тысячью тупыхъ иглъ въ колѣни, въ руки и въ лицо. И возопилъ онъ голосомъ, полнымъ дикой тоски:

— Эй-ва, вы тамъ! Господинъ Никола милостивый, Зосимъ съ Саватѣемъ, настоятели, — дайте моему слову сказать. Ничего не боюсь, все пусть! Эй-ва, только бы мнѣ насчетъ Варламъ Егорыча...

Не зналъ продолженья мольбѣ своей нюньюгскій Егоръ, всталъ. Растаявшій снѣгъ жегъ кожу за пазухой. Оглядѣлся: синее безмолвіе виситъ, а ночь илетъ, а на снѣгу отчетливы собственные слѣды.

Вошелъ, монахъ ужъ на полатяхъ подъ малицей ворочается. Хриплымъ съ просонья, несвоимъ голосомъ, словно полуда въ глоткѣ отпала, закашлялся надрывно Агапій. Прокашлявшись, замолкъ, и сказалъ ему Егорушко, какъ бы оправдываясь:

— До-вѣтру ходилъ. Свѣтлынь на дорогѣ-то!

Агапій почесалъ ногу, потомъ отвѣчалъ:

— А я тебя во снѣ тутъ видалъ. Будто снимки съ полагушки сымаешь...

Съ печки сонно спросила Иринья;

— Полагушка - то какъ, съ верхомъ, ли наполовину? Не полна, такъ болѣсть въ домъ!..

Агапій не отвѣчалъ. Маленькій съ съ плачемъ заискалъ материной груди. Опять закашлялся монахъ, колодой подкидываясь на доскахъ. Егоръ все думалъ о чемъ - то и не могъ додумать до конца, думалки не хватало. А Иринье видѣлось: идетъ странникъ, — сзади крылья, спереди собачья голова. Тутъ жучокъ ползетъ. Странникъ наступилъ сапожкомъ и прошелъ. Вели блистающіе крылья собачью голову впередъ...

Къ утру забыла сонъ свой Иринья, — тому не до сновъ, кому хлопотъ полонъ ротъ.

VIII

А по прошествіи восьми денъ весело гудѣло самопрялково колесо,

прыгало проворное въ ловкой Ирининой рукѣ веретено, и тянулась нитка — какъ ночь, а ночь — какъ нитка. Шла та же большая ночь, и не ближе была весна, и не короче пути снѣгамъ.

Егорушко изъ пыжиковъ шапку Варламъ Егорычу кроитъ. Жадно и сухо горѣнье Егорушкиныхъ глазъ. Агапій повѣствуетъ напамять негромко, водя перстомъ по воздуху, и глядитъ глазами въ трепетную тьму угловъ. Копотно и трескуче горѣнье жира въ плошкѣ.

"... довелось читать въ старой книгѣ Вила, игумена Лифазоменскаго монастыря. Въ странѣ, имѣющей имя Египетъ, произошло такъ. Былъ тамъ искусный музыкантъ, Василидъ по имени. Слава о немъ шла до самыхъ Бѣлыхъ Горъ. Онъ радовалъ уши египетцевъ чудными пѣснями изъ инструмента своего, покуда утробы ихъ наполнялись мерзостями пищи...

"Однажды пришелъ Василидъ отъ одного вельможа, осыпанный дарами, сѣлъ и почуялъ мысль о смерти, которая не спитъ никогда... Тогда разбилъ онъ съ плачемъ дивный свой инструментъ, раздалъ нищимъ

богатое изобилье имущества, самъ же сѣлъ на горбатаго звѣря велбуда и поѣхалъ къ старцу Патфитану который ушелъ въ пустыню искать скорбь. Пріѣхалъ и сказалъ: Авво, укажи путь мнѣ!

"... Сказалъ старецъ: раздай нищимъ пожитки, приходи ко мнѣ. Я живу въ темной змѣйной пещерѣ. Въ одномъ углу живетъ птица страгонъ, она приноситъ мнѣ пищу. Въ другомъ — левъ, онъ охраняетъ меня... Сказалъ Василидъ радостно: Нѣтъ у меня ничего, кромѣ какъ въ душѣ любовь къ малой моей дочери. Сказалъ старецъ: разбѣй о камень душу. Возвратись и заколи дочь свою и приходи ко мнѣ. Иди и дѣлай.

"... погналъ Василидъ велбуда. И трижды останавливался на пути, крича въ небо: Авво, дочь — единый мнѣ свѣтъ въ близкій канунъ мрака! Но молчало ему и съ новой силой загорался въ немъ духъ...

"... пріѣхалъ, вошелъ въ домъ и вознесъ ножъ надъ спящей дочерью и не могъ сперка. Оглянулся, жутко ища, — не видать нигдѣ, ни въ углахъ, ни подъ матицей, десницы,

протянутой удержать ножъ. Тогда, крича сердцемъ, ударяясь душой о камень...

"И вошелъ ножъ въ дочь его. И умерла та. Снова на велбудѣ бѣжалъ Василидъ къ старцу. Левъ облизалъ ему убившую руку, а птица страюнъ поклонилась ему. Такъ разбилъ душу свою музыкантъ Василидъ въ рыжей странѣ Египтъ"...

Звонко - звонко тутъ зашелся маленькій на печкѣ, подтвердило вѣтромъ въ трубѣ. Ахнулъ, на полъ присѣдая, Егорушко, визгнула съ разбѣгу самопрялка, замертвѣвшимъ колесомъ порывая нитку. Пошелъ Агапій къ ушату, зачерпнулъ ковшомъ и выпилъ, потомъ вбилъ последній гвоздь лжи своей:

—Справедливы дѣла временъ прошлыхъ по вся дни!

Склоняясь головой, спросилъ Егорушко съ надеждой:

— Хорошо сказываешь, какъ по книгѣ. А старикъ твой безумный что?

— Старецъ? Когда нагнулся Патфитанъ обнять Василида, возрыдавшаго передъ нимъ, не принялъ тотъ поцѣлуя. Вскочилъ Василидъ и про-

клялъ имя бога Патфитанова. И до конца дней ходилъ онъ по землѣ, самъ себя отвергая отъ путей къ небу.

Разступилась тишина, и въ нее вошелъ клиномъ стонъ Егорушки:

— Какъ же все вышло-то такъ?

Словно прямую черту провелъ, отрѣзалъ монахъ:

— Такъ вотъ и вышло.

IX

Кабъ родился Іисусъ не въ Вифлеемской землѣ, а на Нюньюгской, не пришли бъ къ нему волхвы на поклоненіе. Но пришелъ бы Егорушко, принесъ бы пикшуя въ пудъ. Пришла бъ бобылка Мавра изъ Нели, принесла бъ морошки лукошко да клюквы короба два. Пришелъ бы самоѣдинъ Тяка, третьимъ пришелъ бы, подарилъ бы Іисусу пимки малюсеньки да пѣсенку бъ спѣлъ про себя, про Тяку веселаго.

Днесь рождается царь на Нюньюгѣ, Іисусъ имя ему. А морозы бѣлыми козлами тундру жуютъ въ тишинѣ Вифлеема нюньюгскаго. И гуляетъ, гуляетъ по всей безкрайней

снѣжной глубинѣ легкій вьюжный вьюнокъ, бѣлый медвѣжонокъ.

Въ полночь выходили Агапій и Егорушко съ женой къ снѣгамъ пѣть о Рождествѣ. Христославили, стоя лицомъ къ востоку. Егорушко смотрѣлъ въ ночь и все хотѣлъ легкимъ теноромъ поусердствовать, Агапій же скрипѣлъ, словно бочку - тресковку съ дробью по землѣ каталъ, пугая Варламъ Егорыча, сидящаго на рукахъ Ириньи... Выходило такъ: два мальчика, — быть одному изъ нихъ рыбакомъ, быть другому царемъ. Поймаетъ рыбакъ рыбку и принесетъ царю.

Но къ пробужденью упала та звѣзда, которая съ Вифлеемской хотѣла въ шагъ итти: заболѣлъ Варламъ Егорычъ. Лежалъ, хрипло надувая тяжелымъ воздухомъ животъ, Егорушкинъ первенецъ, борола его болѣзнь. А былъ ли тутъ утинъ или горлянка, или черный монашій сглазъ —не дознаться было. Каялась послѣ ужина мужу Иринья:

— Мыла его, побѣжала... стукнулъ кто - бысь въ окошко, дверь не прикрыла..

Но молчалъ Егорушко, обезумѣлъ

въ немъ духъ. Не переставала течь бабьими неутѣшными слезами Иринья. Восписуется въ небѣ первымъ горемъ горе матери, а вторымъ — закрывающаго нагѣкъ глаза.

Запоздно, передъ сномъ, подкараулилъ Егорушко Агапія въ сѣнцахъ:

— Слушай, Агапъ. Я помру — сгнію, ты помрешь — лишній чинъ примешь. Но съѣли бъ рыбы тебя и праведность твою, когда бъ не я о прошлую осень!...

Спросилъ Агапій:

— Жалости просишь?

— Не жалости, а правды. Былъ ты слабъ, а я силенъ, теперь я слабъ..

Усмѣхнулся Агапій:

— Въ хлѣбѣ попрекаешь?

— Не въ хлѣбѣ, а къ разговору токмо...

— То-то, къ разговору! Вспомни Василида и не дай умереть душѣ.

Сказавъ такъ, внезапно чихнулъ Агапій и вышелъ въ дверь.

X

Вотъ пошли двое на тюленій ловъ: ходили долго, видѣли ледъ, не видать было звѣря. Держали остроги

да крючья наготовѣ, а некого было бить. Ужъ собирался назадъ Егорушко, какъ вдругъ выникнулъ изъ промыва усатый мурластый моржъ... Хотѣлъ бѣжать моржъ, да замѣшкался самую малость. Тутъ и зашвырнулъ ему Агапій острогу въ угонъ. Въ скорости былъ моржъ положенъ на санки и волоченъ къ дому.

Егорушкѣ съ утра, какъ всталъ, сердце щемитъ. Нынѣ же, идя съ монахомъ по охотничьей узкой тропкѣ, постигаетъ Егорушко неисповѣдимые пути Агапіевой справедливости... Важно, какъ сосудъ небесный, несетъ Агапій свою голову; глуха рѣчь его, а слова остріями тверды:

—... затрубятъ витыя трубы на низкіе лады. Возстанутъ моря отъ лонъ, упадутъ на города. И будь ты хоть солдатъ, хоть праведникъ, аль въ новехонькихъ полсапожкахъ, всѣ мы снидемся тамо, на судилищѣ...

Покорно тащитъ тяжелыя сани по еле замѣтной тропкѣ Агапіевъ слушатель. Зубчагой ледяной стѣной, золотымъ гребнемъ, радужной лентой возгорается и перебѣгаетъ небо. Смотритъ мертвый моржъ въ

ночь, а ночь идетъ надъ нимъ спокойная, ровная, не въ обхватъ большая, безшумная какъ на лыжахъ.

— ... утренней зари самъ Савофъ. Солнце покажетъ красный языкъ и умретъ, — тутъ ужъ не надо солнца! Выйдутъ силы и тьмы и протянутъ надъ міромъ мечи свои и сабли. А въ мірѣ будутъ стоять тьмы и толпы народу всякаго, мужики и бабы. Изыдетъ Сынъ и сядетъ одесную...

Очи широко въ снѣжную тьму раскрывъ, остановился Егорушко, изнемогло въ немъ сердце. Остановился и монахъ. Рукой въ варежкѣ такъ и рубитъ онъ морозный, тугой воздухъ.

— И повторятъ горы рѣчь его: сынъ мой, Іисусъ. Ты приходилъ къ намъ свѣтомъ тихимъ, а они гвоздями тебя... Ты висѣлъ, Іисусенька, страдая и зовя, а я сидѣлъ вонъ на томъ облакѣ и бороду себѣ рвалъ. Не могъ я остановить пути Твоего. Нынѣ жъ пришелъ я распять ихъ...

Ждетъ Егорушко, шатаетъ его. Словно оловомъ каплетъ жидкимъ Агапій на голый черепъ Егорушкиной

души.

— ... и промолчитъ Іисусъ..

— Врешь!! Ты мнѣ вчера то же во сну говорилъ, и я тебѣ не вѣрилъ... Агапка, дьяволъ, сукарь, врешь!..

Такъ закричало неистово ущемленное Егорушкино сердце. Весь трепеща крупной задрожью, бросилъ себя камнемъ въ сугробъ, ища тамъ пріюта помутившемуся взору своему. Склонясь надъ кричащимъ человѣкомъ острова Нюньюга, шепталъ глухо и страшно Агапій:

— Успокойсь, парень! Тебя Онъ въ перву голову къ себѣ позоветъ. Подь, скажетъ, Егорушко, ко мнѣ на два слова...

Стеная, навзрыдъ кричалъ человѣкъ въ снѣгу:

— Не хочу, не хочу. Пускай моего Варламъ Егорыча назадъ беретъ!..

Долго они такъ: одинъ кричалъ, другой уговаривалъ.

А когда подъѣзжали къ дому съ моржомъ, выскочила съ воемъ простоволосая Иринья. Закатились у ней глаза. Крѣпко прижавъ къ полной напраснымъ теперь молокомъ груди голенькаго Варламъ Егорыча,

завизжала, порѣзая безмолвіе ледякое крикомъ, какъ ножомъ, — завизжала сильно:

— Померъ!! Варламъ Егорычъ померъ...

Запушила пѣна Ириньины губы, и упала баба, не сгибаясь, на-земь и загрызла зло и жадно снѣгъ. А Варламъ Егорычъ, богатый промысловый купецъ, скатился къ санкамъ и тамъ застылъ личонкомъ вверхъ.

Неугасимо колебались въ безвѣтренихъ вышнихъ пустыняхъ желтые и въ прозелень синіе широкіе столбы.

Подуло холодомъ. Бормоталъ Агапій молитву, избавляющую отъ удара. Иринья лежала, какъ спала, а поодаль, заснувшая навѣкъ, лежала мертвенькая благостынька чюньюгскаго рыбаря.

Не зналъ, гдѣ потерялъ свою ушанку Егорушко. Все силился вспомнить — и не могъ. А вдругъ увидѣлъ: шевельнулъ мертвый моржъ оскаленнымъ закровянившимся клыкомъ и подмигнулъ тотъ, другой рядомъ.

Два дня, раскинувъ руки по снѣгу, выла баба на острову.

XI

Загоготала малица, спрыгнула съ нартъ. За ней совикъ претъ, кулекъ несетъ, порядочный кулекъ.

— И-га-го! Здорово, кобелики! Стрѣчай тестя, кунья голова!

Олени паромь зашлись, заморилъ ихъ Андрей Фомичъ, чуть хорей не поломалъ, въ зады имъ тычучи. Вошла малица въ домъ, легла малица задомъ на полъ.

— Стаскивай малицу-тъ! Какой ты есть зять? Охъ, да рукъ-то пожалѣй, — небось, самовару — и тому рукъ жалѣешь... А я еще бѣгаю, живой... И-га-го!..

Соскочила малица съ крикуна, очутился въ избѣ толстый мужчина, карнаухій, — пьянаго семь лѣтъ назадъ сова цапнула, самъ сказывалъ.

Андрей Фомичъ Ириньюмокрыми усами и бородищей цмокнулъ.

— Грѣшенъ человѣкъ, до бабъ я слабъ — зато и ласковъ.

Егорушко руку повернулъ.

— Съ чего, паря, носомъ въ зубахъ ковыряешь?

Руку повертѣлъ и всего прижалъ,

обжигая виннымъ духомъ щеку. Увидѣлъ монаха, устремился на него залпомъ:

— Монахъ - въ - клобукѣ, Енералъ. Кузмичу. Здорово чудакъ - рыбій - глазъ, отвѣчай — здравія желаю!!

Обидѣлся Агапій:

— Я тебѣ, купецъ, не рыбій глазъ, а слуга боговъ.

Загрохотало, словно телѣга съ бочками опрокинулась. Кланяется купецъ низко, рукой до земли:

— О! когда такъ, отцу - монаху миръ, пойдемъ въ трахтиръ! Молчу, молчу, отбрилъ во всѣ концы... А самъ Егорушкѣ на ухо:

— Хорошъ у тебя работничекъ, ничего кобеликъ.

Отпоетъ и не услышишь!

Вдругъ оглядѣлся Андрей Фомичъ:

— Да вы что, рыбья чума васъ одолѣла?

Отвѣчаетъ за всѣхъ Иринья, всхлипывая и глядя въ полъ:

— У насъ тутъ ребеночекъ померъ, четвертый день нынче какъ зарыли...

Не понимаетъ Андрей Фомичъ:

— Я что-то не пойму, чей ребеночекъ? Монаховъ?

Будь у Агапія ротъ пошире, проглотилъ бы купца и съ пимками и съ ремешками. Иринья:

— Не-е... нашъ ребеночекъ, Варла-амъ Его-орычъ!..

Помолчала Андрей - Фомичева туша, хлюпнула раздумчиво губой и вновь смѣхомъ разъѣхалась.

— И-га-го, грѣховодники, а я-то думалъ... Выходитъ — ладилъ тесть на Новый годъ, попалъ на поминки. Та-акъ! Помянемъ, молодого человѣка. Эй, черный, кадило есть?

Пуще насупился ушатомъ черный клобукъ:

— Отстань. Отвѣтишь.

Взыгрался Андрей Фомичъ:

— Охъ, да не гляди ты сычомъ на меня, еще напужаешь. Вишь, я слабенькой, меня чернымъ взглядомъ насквозь проткнешь! Но какой же, однако, есть ты монахъ, безкадильный - то? Жулье, водопроводъ, значитъ! Ты не серчай, нечего тутъ. Андрей Фомичъ глазомъ видитъ: духовный финьянъ, альбо гусь лежалый!.. О-онъ ви-идитъ!!.

И даже толстымъ указательнымъ

перстомъ съ серебрянымъ обручомъ показалъ Андрей Фомичъ передъ самымъ носомъ обозленнаго Агапія. Всѣ молчали и сопѣли. Вдругъ у тестя недоумокъ на веселую половицу всталъ:

— Эха, ужъ и накачаю я васъ нонѣ. Чтобъ въ головѣ шумѣло и въ пяткахъ темно было, накачаю! Григорій, ты што-о гробовикомъ въ дверяхъ стынешь? Вынай балалайку, куль разгружай. Балалайка-то цѣла? Я надысь чуть голову Гришкѣ балалайкой не пробилъ, баловаться винишкомъ сталъ. А ну, дай ему, дочка, посудину подъ водку. Э, да нѣтъ, покрупнѣй тащи! Давай сюда, въ чемъ младенца крестили, во!

Надъ Нюньюгомъ въ небѣ вдругъ погасли огни. За Нюньюгомъ въ морѣ ухнуло отдаленно, и узкорылый сѣрый звѣрь сталъ красться обходомъ на избу. Вязкія и низкія, надъ самой головой, скрутились жгутами тучи. Будто ударило по барабану, заплясалъ передній валъ, прищелкивая вѣтромъ. Собаками зарычали овраги. Поднялась тундра...

И въ избѣ затихло. Сердце проситъ упокоя, стонетъ жалобно ду-

ша. Булькаетъ ледяная водка въ выпрямленное Егорушкино горло. Вскакиваетъ онъ и опять садится. Всѣмъ своимъ объемистымъ животомъ налѣзъ на него черезъ столъ пьяный тесть.

,— Какъ, жжется?

— Ухъ, Андрей Фомичъ, здорово жжется!

— Такъ, воистину. Селедочки возьми, а то и семушки. Ну, какъ играетъ?

—Играетъ, Андрей Фомичъ, очень. Чихнуть охота!

—Ничего, чихни. На, пей еще. Да сразу, какъ изъ ружья стрѣляютъ. пей!

Булькаютъ, другъ на дружку налѣзая, глотки. Руки потираетъ, языкомъ щелкаетъ Андрей Фомичъ. Жадно глядитъ въ винную посудину полупьяный Агапій. Иринья кашляетъ, жалобно и стыдливо загораживаясь кулачкомъ. Всю душу навывертъ вытряхиваетъ Андрей Фомичъ:

— Пей, дочка, на-ко тебѣ вотъ наперсточекъ, не ломайсь! Былъ бы мужъ, а ребята будутъ! Эхъ, глядѣть на васъ — глазъ ломитъ. Рази

въ наше время такъ пили? Моему дядькѣ воронъ подъ Кемью глазъ клевалъ, а онъ и не слышалъ, выпимши! Такъ рази жъ такъ? А ты, Гришка, ну, махни по струнамъ, приходите дѣвки къ намъ. Шпарь и жарь и самоварь... Нну!!.

А за стѣною свирѣпѣютъ дали. Первымъ ударомъ въ бокъ избы опрокинулся вѣтроваго прибоя валъ. Снѣговыя колеса заскакали по тундрѣ бѣшено. Бѣлые козлы по пятеро въ ряду копаютъ снѣгъ. Ахъ, и какъ тутъ не пить, какъ тутъ не кричать, головой не биться о каменные локотки, коль отъ земли до неба полтора вершка!.. Потому и душѣ приволье, хоть разсудку и тѣснота. — Весь клокочетъ, распухая, тесть.

— Давѣ ѣду... и-га-го! надъ Выксунью, а изо льда личность на меня глядитъ. Я ему — ты что, чорртъ? А онъ мнѣ — бя-а, бараномъ, сволочь, ословый хвостъ!!. Напужать меня хотѣлъ, умо-ора...

Иринья, съ непривычки хмѣльная, Егорушку за шею потными голыми руками обвивъ, лопочетъ, а глаза у ней смутные:

— Егорушко, другой у меня ско-

ро... Варламъ Егорычъ будетъ... Чую, будетъ!

Трудно лобъ наморщивъ и губы поджавъ, отстраняется Егорушко:

— Не трожь, не трожь...

И Агапій — налилась безстыжая слякоть въ небесный сосудъ. Кряхтитъ онъ на ухо Егорушкѣ:

— Плюнь ей въ глаза, срамотной. Другую завтра вымолимъ, плюнь!

Гуляетъ и ужъ пляшетъ въ одиночку Андрей Фомича животъ:

— Дда, я ему: ты что, чорртъ?.. А онъ мнѣ... Эй, Гришка, поддай, поддай, грызи струментъ въ глотку. Дочка, становись! Андрей самъ Фомичъ плясать будетъ. Вы рази мужики? Вы кто? Кобелятки!!! А я? А я — будьте здоровы!.. И-гаго...

Подмахиваетъ платочкомъ Иринья, зыбкимъ оловомъ глаза налились. Похаживаютъ Ириньины пимки по кругу, — дзинь, брынь, тарарынь, ты пляши, пляши, Иринь! Агапій палецъ грызетъ. А Гришка, потный весь и очумѣлый, въ конецъ балалайку межъ ногъ задавилъ. Пищатъ струнки отъ такого обращенія, а одна все прыгаетъ, все прыгаетъ. Под-

лудакиваеть балалайкѣ тесть кулаками по собственному брюху, стаканы зеленымъ звономъ звенятъ. А вотъ и самъ пошелъ...

Бурлитъ во тьмѣ за стѣною снѣжная яростная пьянь. Карбасу лежать невмоготу стало, пляшетъ онъ, гуляетъ восьмеркой по берегу. Сдвигаются тороса тѣснѣе въ груду, хороводной оравой на Нюньюгъ... Держись, Нюньюгъ, держись, малый, держись, кунья голова!..

Дымъ коромысломъ, спина горбомъ. Андрей Фомичъ вприсядку, брюхомъ по полу, идетъ. Не ракъ клешнемъ, не моржъ хвостомъ, — ногами половицы разметаетъ на стороны тесть.

Застеклянѣвшими глазами смотритъ захмелѣвшій Егорушко, видитъ нехорошо. Нависая надъ деревянной бадейкой, приплясываетъ на подвѣсѣ глиняный рукомойникъ, отфыркиваясь водой во всѣ концы... И вотъ въ захохотъ впалъ Егорушко, бьется о столъ, волосами по виннымъ лужамъ, по селедочнымъ костямъ. Но сразу тишиной ихъ накрыло всѣхъ. Вскочилъ Агапій, второпяхъ напяливая на голые глаза

клобукъ.

— Стой, стань, купецъ! Баба застынь! Я теперь буду, я вамъ фокъ-покъ покажу, вотъ допью только. Счасъ, счасъ... будетъ вамъ чудо-юдо по половичкѣ гулять!

Тинькнула порванной струной, сырву замирая, балалайка. Сизымъ удушьемъ задымила новая лучина. Вылупились въ тревожномъ ожиданьи три пары пьяныхъ глазъ, Гришка — тверезый, чортъ. Беретъ Агапiй стаканъ, полный вобрѣзъ водой, шатко ставитъ на клобукъ, замираетъ весь, даже глазомъ не поводитъ застылымъ: —

— Ну... пьянъ? Пьянъ. Донесу? Донесу!

Въ тишинѣ, подобной волчьей стойкѣ, дѣлаетъ Агапiй первый шагъ. Остановился: половичка, не дергайся! Вновь остановился: не сплеснись! Мѣритъ Агапiй косымъ глазомъ четвертый намѣченный шагъ.

Исподлобья, недовѣрчиво глядитъ Андрей Фомичъ. Воротъ разстегнутъ. Бродитъ въ немъ водка синимъ пламенемъ. Иринья, за рукавъ брата схвативъ, пугливо ждетъ. Въ Егорушкѣ замедлилось дыханье,

тѣни отъ лучины рѣзко легли по лицу.

Посинѣли губы и Агапа. — Бѣгутъ капельки пота изъ-подъ клобука, повисаютъ на губахъ. И тутъ ахнулъ навскрикъ Егорушко, не выдержалъ, а лицо руками запахнулъ. Грузно — какъ у него лобъ кровью не лопнулъ? — вскочилъ Андрей Фомичъ, рванувъ какъ на покрученника въ мурманску страду:

— Будетъ... чортъ!!

Тогда закачался стаканъ на монаховомъ клобукѣ и вдругъ ахнулъ брызгами стекла и воды по полу, вразлетъ. Съ виновностью глядѣлъ протрезвившійся Агапій. Нехорошее молчанье вошло посреди людей. И, точно дырку желая заштопать въ распьяняющей этой ночи, высокимъ голосомъ грянулъ, было, пѣсню Агапій, но сломалось веселье. Въ избѣ захолодало. Хмурый, не глядя никому въ глаза, напяливалъ на себя поддевку тесть.

— Сунь, Гришкъ, балалайку-те въ мѣшокъ. Наигрались, хватитъ. Эй, зять, баба съ дупломъ, подушку давай, я тутъ на лавкѣ пристроюсь. Охъ, ты мнѣ, осиновый хвостъ!

Сонными, выгорѣвшими въ винномъ пару глазами. какъ бы разбуженная, глядѣла Иринья, какъ подгибался на сторону черный и тонкій уголекъ лучины.

XII

Бѣгутъ дни, а незамѣтно, что бѣгутъ. Какъ ни гляжь — все ночь, какъ ни кинь — все темь. Тундра спитъ, еле тлѣетъ подъ снѣгомъ тихая лампада единой земной радости за полуночной чертой, — клюковка.

Поетъ самоѣдинъ въ тундрѣ:

"Сказалъ Сядѣй Тякѣ: Тяка, хочешь быть солнцемъ? Сказалъ Тяка Сядѣю: нѣтъ. Спросилъ Сядѣй Тяку: ты будешь рѣзвъ, какъ собака, а красивъ, какъ олень, — зачѣмъ не хочешь? Отвѣтилъ Тяка Сядѣю: потому - что Тяка!.."

По льдамъ, обреченнымъ на таянье, по снѣгамъ, по водамъ, гдѣ есть, проходятъ странныхъ трое: Трифонъ изъ Печенѣги, Иринархъ Соловецкій, Елисей Сумской. Украшается бытіе твари нюньюгской радостнымъ благовѣстіемъ о приходѣ вешнемъ.

XIII

Средь глубокаго сна, когда по голубому въ тонкомъ плывешь, вышло, будто разбудилъ Агапій Егорушку. Въ пимахъ и совикѣ, весь готовый, сказалъ онъ Егорушкѣ:

— Слышь-ко, птицы человѣчьи счасъ полетятъ. И намъ пора...

Сонно и покорно отвѣчалъ Егорушко, изъ сна пробуждаясь въ сонъ:

— Пойдемъ.

Скупъ и рѣзокъ Агапіевъ голосъ. Наспѣхъ одѣлся Егорушко, съ порога оглянулся назадъ. Сквозь вершковые наросты на окнѣ пробивались недошитые на лавкѣ Варламъ-Егорычевы пыжики. Дернулось злобой поперекъ Егорушкиной души, но оглянулся на него Агапій съ суровой укоризной. Смолчалъ Егорушко, и только проглотилъ соленыя непрошеныя слезы.

Вышли, пошли. Невѣдныя, чуть не заячьи тропки ведутъ ихъ. Лыжами до перваго таянья будетъ обозначенъ по снѣгу къ мѣсту гибели Егорушкиной нечеткій лукавый путь.

Вотъ поднимаюiся въ гору — кольцомъ черная, спускаются съ горы — обступила ночь. На восточной тупинѣ, у сосны, стоящей въ одиночьи и слушающей пѣсни нюньюгскаго вѣтра, сказалъ Агапiй, приближая деревянное лицо свое къ запустѣвшимъ Егорушкинымъ очамъ:

— Какъ полетятъ, хватайся за птичью ногу-то, леги. А въ тѣхъ птичьихъ краяхъ, куда летѣть, тамъ твойто въ голубенькой рубашкѣ, поясокъ шелковый, а волосики расчесаны, ходитъ. Тамъ-то золоты яблочки на серебряныхъ деревахъ растутъ! И я туда, за тобой...

Не смекаетъ рѣчей монаховыхъ Егорушко, присѣлъ въ снѣгъ голову закинулъ, ждетъ. Небо черное, какъ для бѣга ровное, матерь холода и ночи, нависло внизъ. Въ снѣгъ же опустился монахъ. Такъ сидѣли. Много ли ночи протекло — некому было мѣрять.

— Ну, летятъ. Не бойсь, парень, только бъ захватиться крѣпчай!

Тутъ приблизилось движенiе воздуха и крякотъ низкихъ птичьихъ голосовъ. Мѣрно и грузно хлопанье тяжелыхъ птичьихъ крылъ. Еще

тутъ крохотный кусочекъ ночи скользнулъ. Вдругъ проснулась въ синемъ мракѣ шумная низколетящая стая медленныхъ бѣлыхъ птицъ. Впеpяетъ въ гудящую мглу измученный, ждущій взглядъ свой Егорушко, — закосились вконецъ глаза, заломились брови, какъ женскія надъ головою руки, — видитъ: летятъ впереди пять бѣлыхъ птицъ человѣчьихъ сновъ — у нихъ головы, какъ палки, а глаза мертвые, недвижные, а глядятъ въ ночь.

— Къ послѣднему, къ послѣднему цѣпись, — такъ шипитъ Агапій, и головой трясетъ, и за плечо Егорушкино хватился крѣпко.

Мракъ синь и широкъ, а птицы и бѣлы, и черны, и розовы. Взмахи крылъ шумны, а ночь ровнымъ - ровна. Метнулся Егорушка со снѣгу, смаху вцѣпился обѣими за корявую холодную ногу проносимую въ согнутомъ положеніи, подтянулся и застылъ, неживой. Подивилась птица соннымъ кряхтомъ, и вся стая повернулась мертвыми глазами, — не нашли; мѣрно поднялись ввысь, къ самой стѣнѣ неба, понесли. Холодомъ и пустотой ударило Егорушку

въ лицо, было здѣсь еще синѣе — слѣпительная безкрайняго ледяного покоя синь. Тутъ его крыломъ задѣло, какъ огибала птица синій въ небѣ холмъ. Зажмурился и застоналъ Егорушко и ротъ раскрылъ для крику, но сбоку Агапій:

— Не кричи, парень, не кричи... всякій крикъ тутъ попусту...

Рядышкомъ, къ ногамъ длинной, худящей, остроклювой птицы нацѣпясь, летѣлъ головой впередъ, размѣтаясь по небу заиндѣвѣлымъ совикомъ, Агапій. Самое небо скользило надъ ихними головами, вѣяло стужей смерти, обступало каменной стѣной. Чиркали порой остроперые крылья по небесной чернотѣ, обдавало лица ледянкой - пылью, коченѣли тѣла двухъ, летящихъ къ небывалой Варламъ - Егорычевой сторонѣ.

— У меня, Агапь, руки зашлись... — скрипливо покричалъ Егорушко.

— А у меня конь - отъ тощъ попалъ, сдавать сталъ, не жиренъ... — въ голосъ ему Агапій, половчѣй перехватываясь за облѣзлую птичью длинную шею и паромъ дыша.

Такъ они летѣли изъ мрака въ

мракъ, изъ холода въ холодъ, ледяное небо плыло, а птицы стрункой, какъ низаныя, направляли къ дальнему краю широкія весла крылъ. И тутъ пришло Егорушкѣ внизъ глянуть. Что тамъ позади остается, какъ тамъ земля пошла? И подогнулъ голову и бросилъ внизъ взоръ свой...

Увидѣлъ онъ ночныя ровни, выстланныя снѣгомъ. Моря увидѣлъ онъ, — они крутились какъ бы на осяхъ и слали неумолчные льды во всѣ края... Глушь и пустоты увидѣлъ, гдѣ жилъ и ждалъ Варламъ Егорыча, нынѣ гуляющаго въ голубенькой рубашкѣ по берегамъ небывалыхъ рѣкъ. И всходило съ восточнаго конца весеннее солнце, и было прекрасно, и какъ бы таяла съ весеннимъ снѣгомъ душа, и какъ бы хотѣлось вырасти, чтобъ заполнить ледяную пустоту. Въ неугасимой тоскѣ безумія своего навзрыдъ закричалъ Егорушко:

— А-а-а... Птицы-птицы!.

Обернулся конь Егорушкинъ и стебнулъ чернымъ клювомъ прямо въ голое темя, — давно провалилась въ снѣжный низъ шапка Егорушкина,

когда летѣли не то надъ морской пучиной, не то надъ глубокой дыркой въ пустотѣ. Руки раскидывая отъ острой зловѣщей боли, ринулся Егорушко внизъ. Воздухи его подхватили, вертали задомъ и передомъ, кидали в сторону и, сжалясь, смаху метнули внизъ. Внизу было море, — оно позыбилось и распустилось, впуская въ себя. Въ морѣ и заглохъ крикъ нехотѣнія Егорушкина, какъ заглохъ въ поднебесьяхъ сонной крякотъ сонных птицъ.

Страшнаго крика мужнина не слыхала спящая Иринья.

XIV

Трижды радостная проходитъ за полуночной чертой весна. Робкія, нечаянныя зори осѣняютъ не сгинувшіе покуда льды.

Вечеромъ первой бѣлой ночи сидятъ трое на берегу, на сѣрой отмели. Агапій сидитъ поодаль и все раскидываетъ — пришли въ Нель весенніе корабли, ли нѣтъ. Вѣтеръ идетъ надъ ними сильный, онъ ѣстъ снѣга, гонитъ льды, треплетъ черную тряпку монахова клобука.

Голову спрятавъ въ колѣняхъ жены, безсмысленно смотритъ въ сѣро - синее небо Егорушко и слушаетъ Ириньину пѣсню:

Братѣлка Романа убили-и...
Въ сѣры-ый мохъ схорони-или...

Неслышно ни для кого зацвѣтаетъ клюква на голомъ лицѣ болотъ. Не наступи на нее, идущій на звѣря: пожалѣй, братъ!

Вдругъ вскакиваетъ Егорушко и кричитъ:

— ...И станетъ онъ Варламъ Егорычъ зваться...

Голову отъ земли подымаетъ монахъ.

Завтра итти мнѣ въ Нель. Пора кораблямъ. Святѣй гнѣвается...

Иринья, — отцвѣли у Ириньи губы:

— Въ Нели - то скажи отцу, чтобъ навѣдался. Придавило, молъ.

Монахъ:

— Скажу, зачѣмъ не сказать. А вы молитесь чаще, оно помогаетъ.

Иринья, острымъ взглядомъ щупая щебневой на отмели камешекъ:

— Помолимся!!.

Пожаромъ стоитъ незаходимое. Бѣгутъ волны и таютъ на пескѣ. Вѣтры гуляютъ въ высотахъ. Чайкамъ привольно, глазу широко, а душѣ легко?..

Мартъ 1922.

Издательство

"Очарованный Странникъ"

"ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА"

Серія I

"БЕЛЛЕТРИСТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ"

Эта серія, отметая все тенденціозное, всю "совѣтскую литературу" въ спецефическомъ смыслѣ этого слова, даетъ подлинно литературныя и художественныя произведенія писателей, живущихъ въ Совѣтской Россіи.

Вышли изъ печати:

№ 1. **М. Зощенко.** Веселая жизнь.

№ 2. **Бабель.** Король.

№ 3—4. **П. Романовъ.** Любовь.

№ 5. **А. Соболь.** Княжна.

№ 6. **Л. Сейфуллина.** Налетъ.

№ 7—8. **М. Зощенко.** О чемъ пѣлъ соловей.

№ 9. **А. Невѣровъ.** Въ садахъ.

№ 10—11. **А. Яковлевъ.** Женихъ полуночный.

№ 12. **П. Романовъ.** Весна.

№ 13—15. **А. Толстой.** Голубые города.

№ 16. **П. Романовъ.** Первая любовь.

№ 17—19. **К. Фединъ.** Наровчатская хроника.

№ 20—21. **Л. Леоновъ.** Гибель Егорушки.

Imp. Scientifique et Commerciale,
4, rue Félix-Faure, PARIS (XVe)